

101

ПРОЗАИК XXI ВЕКА

Александр
Махнёв

УШЕДШИЕ НА НЕБЕСА

И не ведали они, что через пару часов их вновь накроют артиллерийский налёт, крошечный ад и пламя... и Господь теперь уже не сможет помочь. Они погибнут мгновенно, не успев почувствовать боли и пролить слёз. А ещё через час гусеницы вражеских танков разорвут их тела, раздавят оружие, траншеи, окопы, вспашут осеннюю землю. Потом позиции вновь отобьют советские войска. В минуты передышки бойцы подправят окопы, траншеи, бережно положат в низине то, что осталось от бойцов, боровшихся за этот плацдарм ещё несколько часов назад. Но целых тел не будет, будут раздавленные, разорванные останки тел. Среди них и то, что осталось от Кузьмина и красноармейца Поповича...

101 прозаик XXI века

Александр Махнёв
Ушедшие на небеса

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Махнёв А. В.

Ушедшие на небеса / А. В. Махнёв — «У Никитских ворот»,
2020 — (101 прозаик XXI века)

ISBN 978-5-00170-028-9

Книга прозаика Александра Махнёва «Ушедшие на небеса» рассказывает о тех, кто принял на свои плечи тяжесть Великой Отечественной войны, самой кровопролитной и жестокой войны последних столетий. Герои повествований автора – разные люди: сельский учитель, сын репрессированного кустика, юная ленинградка, пятнадцатилетний паренёк с юга Украины, молодой сибиряк. Да, они разные. Но это люди сильные духом, любящие Отечество и ненавидящие врага. И это их объединяет. Жизнь этих людей – пример служения Родине, напоминание молодому поколению о том, какими жертвами далась Великая Победа. В книге представлены также не опубликованные ранее рассказы.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-028-9

© Махнёв А. В., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Предисловие	6
Солдатам Великой Победы посвящается	7
Плацдарм	7
Уходят фронтовики	19
Родные люди	22
Просто солдат	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Владимирович Махнёв

Ушедшие на небеса

© Махнёв А.В., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

Предисловие

Книга эта о тех, кто принял на свои плечи всю тяжесть самой кровопролитной и жестокой войны последних столетий. Мои герои – совершенно разные люди: сельский учитель, сын репрессированного кустика, юная ленинградка, пятнадцатилетний паренёк с юга Украины, молодой сибиряк. Да, все они разные. Но это люди сильные духом, любящие Отечество и ненавидящие врага. И это их объединяет. По комсомольскому набору накануне войны в армию ушёл Глеб Попов. С первых дней на фронте. Контузия, плен, побег. И вот он партизан, разведчик. Войну завершил в Белоруссии. Работал в милиции. Учителем. Сын репрессированного ремесленника Алексей Андрианов ушёл на Финскую в 1939, ушёл рядовым, вернулся уже из Японии, в сентябре 1945, сержантом, с боевыми наградами и ранней сединой в висках. Непростая жизнь ждала впереди, не раз ему ещё напомнят, что он сын врага народа. Три года за колючей проволокой немецкого концентрационного лагеря «Дахау» не разрушили душу Николая Краснокутского. Выжил. Выстоял. Ленинградка Дина Федотова все страшные годы блокады защищала родной город в рядах противовоздушной обороны. Разведчик таджик Курбан Рахмонов, лейтенант Владимир Махнёв, моряк Миша, белорус Станислав Попович – и о них рассказывается в книге.

Годы летят, и нет уже в живых моих героев. На небесах они. Но в памяти, душах и сердцах они с нами.

В рассказе «Уходят фронтовики» отец напутствует сына: «Мало нас, бойцов Великой Отечественной осталось. Жаль, конечно, но что поделаешь, жизнь не остановить, течёт она, не спрашивая человека. Сколько богом отведено, столько и живём... Когда я говорю «жаль», ты не подумай, я ведь не о себе говорю, я о вас думаю. Смотри, как в мире всё идёт. Вот уж нас и оккупантами величают, и карту мира пытаются перекроить, и памятники героям той войны уничтожают. Фашисты на Западе факелы жгут.

Кто за всё это ответит? Кто мир защитит? Наше поколение уходит, вы, рождённые в прошлом веке, ещё что-то знаете и помните, а внуки, правнуки наши... Кто им расскажет о горе нашем, о подвигах, о нашей Победе, великой Победе народа. Ты думаешь, это только мои мысли, да нет, все, кто ещё жив из нашего брата, также думают и переживают. Да, мало нас осталось...»

Слова эти – крик души, напутствие нам, потомкам: помните, какими жертвами досталась эта Победа.

Александр Махнёв

Солдатам Великой Победы посвящается

Плацдарм

Благодаря стремительным действиям 1-го Белорусского фронта наступательная операция Советских войск в августе-сентябре 1944 года позволила захватить крупный плацдарм в районе города Сероцк (Польша). К исходу 5 сентября плацдарм значительно расширен: 8 километров по фронту и до 3-х километров в глубину. С 9 сентября активные боевые действия на плацдарме прекратились. В войсках шла перегруппировка, наращивались силы и средства для дальнейшего наступления.

Немецкое командование, не смирившись со сложившейся ситуацией, готовилось взять реванш. Целью удара был выбран Сероцкий плацдарм, здесь скрытно сосредотачивалась ударная группировка вражеских войск.

23 сентября 1944 года. Полдень. Лесной массив, пять километров севернее Сероцка, командный пункт 152 отдельного истребительного противотанкового дивизиона 108 стрелковой дивизии.

После тяжёлых, изнурительных боёв дивизион оборудовал позиционный район, готовился к обороне.

В блиндаж командира дивизиона вошёл начальник штаба капитан Ерёмин.

– Разрешите? Товарищ майор, пополнение прибыло.

Командир дивизиона, среднего роста, темноволосый крепкий мужчина, сбросив на топчан накинутую на плечи ватную телогрейку, поднялся из-за стола. Протянул руку капитану.

– Здравствуй, присаживайся. Так ты говоришь пополнение? Я с Ищенко, командиром 407 полка сейчас разговаривал, и ему людей подбросили. Это хорошо. Страшно подумать – меньше двух третей штыков осталось. С кем воевать? А где люди?

– Восемь человек в первую батарею к Гришину отправил, его офицер пополнения давно ожидает, а двадцать два в строю.

Капитан кивнул головой в сторону выхода.

– Старшина Рябков с ними. Документы здесь, в папке. Народ разный, по возрасту молодёжь. В общем, разберёмся, главное, люди есть, и не просто с улицы, третья запасная дивизия, что в Дорогобуже дислоцируется, готовила, знаю, обучают там неплохо. Штаб примерно прикинул кого куда, вот предложения.

Командир взял папку, полистал, остановился на списке назначений пополнения.

– С комбатами разговаривал?

Начальник штаба улыбнулся.

– Товарищ командир, вы же знаете мою позицию, без комбатов никуда. Но обрезать пожелания некоторых всё же пришлось.

– Что же, пойдём.

Командир дивизиона поднялся, надел шинель, поправил головной убор, ремень и быстрым шагом вышел из землянки.

Молодёжь перекуривала. Рябков сидел здесь же на поваленных брёвнах и глазом держал вход в землянку. Услышав стук открывшейся двери, мгновенно вскочил. Бойцы засуетились, забегали, однако этот казавшийся хаос продолжался лишь пару минут. И вот строй пополнения стал вполне похож на воинское подразделение.

– Взвод! Равняйся, смирно! Товарищ майор, личный состав молодого пополнения в количестве двадцати двух человек построен. Докладывает старшина Рябков.

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

Дружного ответа не получилось.

Майор усмехнулся, посмотрел на капитана, кивнул на строй.

– Надо бы подтянуть этот элемент. Негоже так приветствовать командира. Но это позднее. Товарищи бойцы, я командир дивизиона майор Ходоренко, рядом со мной начальник штаба капитан Ерёмин, замполит дивизиона капитан Кравченко, он сейчас в первой батарее. С командирами батарей и подразделений познакомитесь на местах. Вольно!

Рябков скомандовал.

– Вольно!

Майор осмотрел строй. Хороши молодцы, шинели новые, неплохо подогнаны, головные уборы добротные, тоже складские, вообще по обмундированию видно, не сорок первый нынче. Вглядываясь в лица бойцов, он медленно шёл вдоль строя. И красноармейцы внимательно смотрели на своего командира, человека, который уже завтра поведёт их в бой. Да, в строю стояли разные люди. В основном призывники из недавно освобождённых от немцев районов, из Смоленской области, Белоруссии. Стоял в этом строю и парнишка из Западной Белоруссии, Станислав Попович. И он рассматривал командира, пытался увидеть в нём нечто для себя важное, пытался понять, надёжен ли командир, опытен ли человек, который будет управлять его судьбой и распоряжаться жизнью. Майор остановился у правого фланга строя.

– Кто таков! Представьтесь!

Третий с правого фланга красноармеец, напротив которого стоял майор, густо покраснев, доложил:

– Мы Гусев...

Лицо майора недовольно передёрнулось.

– Рябков, помогите товарищу.

Старшина, лихо вздёрнул голову.

– Отвечать надо: «Красноармеец Гусев!»

Гусев, вздрогнув, повторил.

– Красноармеец Гусев.

Ходоренко, поправив перекрученные лямки вещевого мешка бойца, продолжил:

– Откуда родом, Гусев?

– Мы из-под Смоленска.

– Дома кто остался?

Гусев несмело улыбнулся.

– Мама, товарищ майор, и две сестрички. Батя на фронте, брат Петро в солдатах. Пока живы.

– Ну, вот видишь, всё хорошо. Вот и ты в армии, да ещё в артиллерии. Артиллерия – бог войны, это Сталин сказал. Гордись. И ремешок подтяни!

Майор сделал ещё два шага вдоль строя.

– Красноармеец Попович, имя Станислав!

– Как, как?

– Попович, товарищ майор!

– Попович? Интересная фамилия. Из священников?

– Никак нет, отец рабочий, мама надомницей працевала¹.

– Белорус?

– Да, товарищ майор. Правда, до тридцать девятого под Польшей мы жили, а дальше сами знаете – Советская власть. С сорок первого под немцем находились, а как освободили район так в солдаты забрали.

¹ Работала (белорус.).

Майор с интересом смотрел на парня. Разговорчивый молодой человек, однако. Красноармеец продолжал.

– Мы не только под Польшей жили, мы в Литве жили. Мама подёнщицей работала, в богатых литовских семьях трудилась. Нас с сестричкой с собой брала. Отец в Аргентине на работу нанялся, нас не с кем было оставить. Деньги не получала, за питание и нашу учёбу работала.

В разговор вмешался начальник штаба.

– Вы и польский язык знаете?

– Знаю. И литовский знаю.

Ерёмин обратился к командиру дивизиона.

– Товарищ майор. На КП час назад местный житель пришёл. Слюной брызжет, ногами топает, что-то ему не нравится в наших действиях. Вроде батарея огорода ему потоптала, когда позиции занимала. Может, я возьму парня, пусть потолмачит с пшеком. А то не понимаем мы друг друга.

Майор оборвал капитана.

– Пусть ждёт, сначала людей распределим, накормим, а уж потом, пока сопровождение будет ждать, заберёте.

И вновь повернулся к Поповичу.

– Так ты значит, ещё и толмачом работать можешь?

Тот удивлённо посмотрел на командира.

– Что, не знаешь слово «толмач»? Переводчик. А образование у тебя какое?

– Семь классов.

– Ишь ты, когда же ты успел. И в Польше жил, и в Литве жил, и в Белоруссии...

– Я учился в гимназии в Вильно, в школе при церкви. Бумага есть.

– А в Дорогобуже, в запасной дивизии, на кого готовили?

– Готовили как номеров орудийного расчёта и наводчиков.

– И ПТР² изучали?

– Да. Изучали и учились стрелять из противотанкового самозарядного ружья образца 1941 года системы Симонова. Всё помню: ружьё предназначено для борьбы со средними и лёгкими танками и бронемашинами на расстояниях...

– Ладно, не тараторь, вижу, знаешь.

Из землянки выбежал сержант.

– Товарищ майор, командир дивизии на связь требует.

Ходоренко повернулся к начальнику штаба.

– Ерёмин, продолжайте. Сопровождения дождитесь и отправьте красноармейцев в батарею.

И уже почти на ухо капитану.

– Бойца, что Попович фамилию носит, надо бы в роту ПТР к Копнину, только смотри, чтобы ближе к штабу дивизиона был. Мы сейчас в Польше, и человек со знанием языка под боком нужен, ясно? Поговорит, потом, может, к штабу подтянем. Всё. Занимайтесь.

Командир дивизиона быстрым шагом спустился в блиндаж. Начальник штаба глянул в сторону старшины.

– Рябков, от Андреева и Волкова нет сопровождающих?

– Есть, товарищ капитан, вон они у берёз стоят и из роты ПТР, от Копнина человек также ждёт.

² Противотанковое ружьё.

– Хорошо. Сейчас забирай бойцов, покорми, а я пока с сопровождением разберусь. Да, этот, молодой, с поповской фамилией, пусть пока ждёт, позже перекусит, ты повара предупреди.

– Есть, товарищ капитан.

Начальник штаба прошёл к ожидающим пополнения офицерам.

– Здравия желаю. Кто у нас со второй батареей? Хорошо, я понял. Получите документы. Так. Третья. Получи. Рота Копнина. Получи. Ты задержись, я одного твоего парня заберу на полчасика. Всем всё ясно? Тогда так. Завтра к десяти доложить расстановку прибывших людей. Командирам передать: учить и учить бойцов, они не обстреляны, а впереди знаете, что нас ждёт. Вон танки гудят по ночам. Это всё по нашу душу. Вперёд.

Капитан вернулся к блиндажу. Станислав Попович, изредка поглядывая на часового, топтался у входа в ожидании начальника штаба.

– Что, замёрз? Ничего, это ещё тепло, холода впереди. Пошли со мной.

Минут двадцать ходу – и они у хутора. Добротный бревенчатый дом, несколько придворных построек. Капитан уверенно вошёл в крайнюю. Находящиеся в помещении сержанты встали, приветствуя капитана.

– Где этот пшек?

Сержант, что постарше, доложил.

– Их уже тут трое. И откуда вылезли? Сытые, холёные, а попросишь что со двора – дулю с маком получишь.

– Не скрипи, Пилипенко. Давай их сюда.

В дверь осторожно вошли трое мужчин. На вид не старики. И действительно не из худеньких.

– Попович, спроси, что им надо.

Станислав снял головной убор и, повернувшись к вошедшим, быстро заговорил на польском языке. Поляки оживились и вразнобой принялись что-то высказывать красноармейцу. Через пару минут Попович остановил их и повернулся к капитану.

– Товарищ капитан, они просят возмещения ущерба. Говорят, их хозяйства пострадали от повозок, машин и лошадей, а ещё двух свиней вот у этого, что в овчине стоит, забрали.

Капитан поднялся со стула и нервно зашагал по помещению.

– Ну, наглецы, вот наглецы! Когда немцы здесь стояли, их поместья наши пленные обхаживали, а теперь, видите ли «ущерб возместить»...

Поляки по тону капитана поняли – ласковых слов и извинений от офицера не дождутся. Да и свиньи наверняка уже через солдатскую кухню прошли. Селяне под мерный звук шагов начальника штаба невольно сникли.

– Попович, ты им разъясни. Идёт война, много крови и жизней она уносит и мы, советская армия, освобождаем Польшу от немцев. Мы их жизни спасаем! И это главное. А что касается свиней – разберёмся. Если то, что сказано, правда – деньгами вернём. Рублями, не рейхсмарками. Понятно?

Станислав перевёл. Поляки вновь зашумели, правда, не возмущённо, с нотками признательности, и этот шум можно было уже не переводить.

К блиндажу командира дивизиона Попович вернулся самостоятельно. Здесь его ожидал старшина Тихонов и четверо красноармейцев, как и Попович, направленных для прохождения службы в роту ПТР. К вечеру добрались в расположение.

24.09.1944 г. По-прежнему стоим в обороне. Производим много работ по оборудованию позиций.

27.09.1944 г. Стоим в обороне... Противник ведёт усиленную разведку.

30.09.1944 г. Изменений нет. Противник ведёт артиллерийско-миномётный огонь. С направления г. Сероцка слышен непрерывный шум

моторов, видимо, подтягиваются мотосилы. Выведены из строя две пушки от артиллерийского огня противника. Убит рядовой – 1, ранено – 3 человека. Из Журнала боевых действий 152 оиптд.

О прибытии в роту старшина Тихонов доложил командиру. Тот перебил доклад.

– Поздненько прибыли, товарищ Тихонов.

– Так уж получилось, товарищ лейтенант, нигде не задерживались. Мне куда их, может, на ночлег в первый взвод, там места есть, а уж поутру – по взводам.

Копнин, мельком глянув на часы, кивнул головой.

– Наверно, ты и прав, но сначала к замполиту, пусть познакомится с красноармейцами, а уж потом отдыхать. Сам проследи, ясно?

– Так точно.

Старшина расправил ремень, повернулся к красноармейцам.

– За мной. Идём аккуратно, темень, ноги поднимайте. Не ровён час упасть можно.

Он как в воду глядел, последние слова сопровождалось шумом падающих тел. Попович наткнулся на впереди идущего бойца, и оба свалились. Тихонов обернулся на шум.

– Я же сказал – осторожно!

Дальше шли чуть ли не на ощупь, строго за старшиной.

Из темноты послышался окрик.

– Стой! Кто идёт!

– Деревянко, это я, Тихонов.

– Осторожно, товарищ старшина, здесь у входа поленья для печи, только нарубили, не упадите.

Старшина недовольно кашлянул.

– Да у них и без дров завал сейчас был. Сюда, хлопцы, сюда! Деревянко, замполит здесь?

– Так точно, товарищ старшина, здесь.

Глаза понемногу привыкали к темноте, и Станислав довольно отчётливо увидел чуть покосившийся сарайчик, за ним жильё. В хате, куда зашли, было довольно просторно. За столом сидел офицер. Рядом, на топчане, повернувшись к стене, лежали два человека. Освещалось помещение керосинкой.

Офицер кивнул в сторону лавки, что стояла у стола.

– Садитесь, товарищи красноармейцы.

Бойцы, потоптавшись, несмело опустились на сидуху из грубых досок.

– Как настроение, красноармейцы?

Станислав, поскольку уже сумел пообщаться и с командиром и начальником штаба дивизиона, чувствовал себя более раскрепощённым, его сослуживцы молча переглядывались, ожидая, кто возьмёт на себя смелость ответить. Пришлось самым смелым быть именно ему, красноармейцу Поповичу.

– Хорошее настроение, товарищ лейтенант. Главное, что добрались до конечного пункта. Устали за трое суток. Покормили нас. Лучше, чем в эшелоне кормили. Так что всё в порядке.

Станислав переглянулся с товарищами.

– Хорошо у вас здесь, спокойно...

Лейтенант улыбнулся.

– Что же, это неплохо, молодцы. Настроение должно всегда быть хорошим. Вот видите, мы уже в Польше, а ещё пару лет назад немец нас крутил как хотел, с трудом отбивались. А нынче в Европе. Вот так. И всё это советский солдат сделал. Но, как ты говоришь, «добрались до конечного пункта» – это не верно. Завтра в подразделения пойдёте, и, поверьте, побегать придётся о-го-го сколько. И ещё. Вот ты сказал – спокойно у нас. Да, сейчас спокойно. Дивизия в обороне стоит с 9 сентября. А до этого бои были очень тяжёлые и потери велики. Так что тишина – дело хорошее, но для нас это передышка и возможность подготовиться к боям. И

немцы не оставят нас в покое, это точно. Бои предстоят тяжёлые. Ладно, товарищи. Давайте знакомиться. Меня зовут Погребняк Николай Павлович, я заместитель командира роты по политчасти.

Замполит пододвинул папку с личными делами красноармейцев.

– Итак. Попович Станислав Иванович. Белорус. 1925 года рождения. Холост. 7 классов...

Начался первый ознакомительный разговор в подразделении, в составе которого им предстояло служить и воевать.

Спустя два часа бойцы отдыхали. Спали в домике на окраине хутора, где квартировал первый взвод. Лежали вповалку, кто где сумел притулиться. Старшина сказал: «Отдыхать, ребятки, завтра разберёмся, день будет трудным».

Следующий день, это было 24 сентября, был действительно нелёгким. Утром красноармеец Станислав Попович получил личное оружие – карабин. На поясной ремень прикрепил малую лопатку, флягу для воды. А главное – он теперь номер расчёта 2-го взвода противотанковых ружей, законная единица штата 152-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 108 стрелковой дивизии.

Дни полетели стремительно.

Лишь светает – подъём. Завтрак. Дальше работа по оборудованию огневых позиций противотанковых ружей, а это обустройство блиндажей с перекрытием из брёвен с земляной насыпью. Никто материал не подвозил. Деревья пилили, рубили ветки и брёвна таскали сами. Вязкую, жёсткую землю рыли своими руками и «усы», скрытые ходы сообщений от блиндажа, тоже оборудовали сами. Работа тяжкая, непривычная, но никто не подгонял. Нарастающий, не молкнущий гул техники там, за передней линией окопов, говорил: скоро бой, медлить нельзя, надо как можно быстрее себя закрыть, обезопасить.

Надо!

Ели там же, где и трудились. И уже не было мыслей – вкусно ли, сытно ли. Съел своё. Ложку облизнул. Горячего чаю выпил, корочку хлеба в карман. Сблизиться и сдружиться Стас пока ни с кем не сумел. Его соседи по эшелону, которых он знал, назначены в другие подразделения. Бойцы, с кем сейчас трудился, не разговорчивы. И не потому, что от природы молчуны, нет. Все заняты делом. И все понимали: это дело сейчас самое важное и самое главное. Пожалуй, единственным человеком, с кем он мог общаться в эти дни, был его старший товарищ по расчёту, наводчик, ефрейтор Семён Кузьмин. Но больше говорили с ним о делах. Семён Петрович, был старше Станислава на пять лет, воевал третий год. Вроде и разница всего ничего – пять лет, но в Кузьмине Попович видел отца, он и общался с ним – как с отцом, уважительно, на «вы», Семён Петрович, а чаще просто Петрович. Однако это общение касалось лишь того, что их сейчас, сегодня окружало: как удобнее и сподручнее обустроить окоп или траншею. Кто таков Кузьмин по жизни, откуда родом, есть ли семья – Станислав не знал. А Петрович и не рассказывал. По нему было видно: устал человек, устал от бесконечной, каждодневной тяжёлой работы – работы солдата. Появилась минутка свободного времени – Попович к нему с вопросом, а тот уже спит, на ходу мог спать. И с открытыми глазами спал. Но никогда не уставал. Невысокого росточка, худой, казалось, в чём душа держится, однако ворочал землю и брёвна таскал словно трактор. Да, о жизни они не говорили, но вот что касается служебных дел – тут уж Петрович был вполне разговорчив. Порой Попович слушал и думал: «Что за зануда перед ним?» Тот мог бесконечно повторять: «не высовывайся», «голову береги», «глубже рой», «каску надень» и так далее. Однако раздражения это занудство не вызывало, всё же это был голос живого человека, хоть какое-то общение, ну и умом красноармеец понимал: Петрович о его жизни заботится.

Спали в блиндажах, оборудованных своими силами, правда, всегда разных, огневых позиций по их душу было немало. Обустроили один к вечеру, здесь и отдыхали, в пяти километрах новый подготовили, там и ночь провели. Буржуйки не топили, дабы не открыть пози-

цию. Опасно. Но и холодно. И это чувство холода преследовало его постоянно. Лишь утром топор и лопата грели, да горячий чай, а чтобы он был горячим – следили все, командиры и бойцы, да и повара знали – кашу холодной можно проглотить, но чай, чай всегда должен быть горячим.

На оборудованных позициях, в окопах, наблюдательных пунктах шла учёба. Многие молодяку рассказывали в учебных подразделениях в Дорогобуже. Но на местности, где предстояло воевать, вся та учёба оказалось азбукой. Буквочки той азбуки он учился складывать именно сейчас. Именно здесь, на местности ему и товарищам стало понятно, что такое линия огня, сектор обстрела, откуда ждать поддержку, сигналы и команды, порядок связи с командирами, соседями и так далее. Оказалось, при всей простоте терминологии военная окопная наука – штука сложная.

К первому октября расчёт Кузьмина задачи по оборудованию огневых позиций выполнил. Командир роты разрешил убыть к постоянному месту дислокации.

День был дан на отдых.

Добирались в роту гужевым транспортом. Повозки, доставившие на передовую снаряды и патроны, возвращались как раз в их позиционный район. Повезло, всё не пешком по лесам и выселкам семь километров топать.

Первым их встретил старшина Тихонов.

– Кузьмин, давай быстрее, баня истоплена, бельишко смените.

И здесь повезло. Неделя в окопах в обнимку с лопатой и ломом и вот подарок – настоящая банька. Стас бань не видел, в их деревеньке принято было мыться в печи, а летом в пруду и речушке полоскались. А здесь настоящая хуторская семейная банька. Старшина где-то и веники раздобыл. Правда, когда они с Петровичем да ещё два бойца залегли на полки, те веники были уже просто метлой. Но ничего, и этими прутьями они отхлестали друг друга по первое число. Не меньше часа длилось удовольствие. И лишь стук в дверь да шум желающих помыться, выдавил бойцов из парилки. В тамбуре распаренные, белые с красными полосами от веника тела ожидало свежее бельё. Не белоснежное, но отлично отстиранное и даже глаженое.

Тихонов распоряжался в предбаннике. По его раскрасневшемуся лицу было видно – кроме пара, его организм принял и спиртное. Ну что же, задачу помыть людей он успешно выполнил, ротного попарил, замполита, все взвода прошли, последние домываются. Это ли не повод на грудь принять. Старшина сегодня ещё и чудо-чай организовал. Одному Господу известно, где он раздобыл настоящую заварку, но чай действительно был первого класса.

Кузьмин с Поповичем, получив по кружке, причмокивая, охая и ахая, с сахарком вприкуску пили этот чудо-напиток. Присоединились к ним и два бойца, с которыми сидели в парилке. Разговорились. Поговору Стас узнал в одном из солдат земляка.

– Белорус?

Боец живо откликнулся.

– Да! Нарочанский³ я.

Станислав обрадовался.

– Да ты что, а я из Бедунок. Это же в восьми километрах от нас. Как звать?

– Горбовский я. Пётр.

– Уж не Богуслава ли Васильевича родня?

Горбовский привстал от неожиданности.

– Сын его.

Земляки обнялись. Надо же, вдали от родных мест Станислав встретил родного человека, и не просто земляка, родню. Дело в том, что Богуслав Горбовский приходился троюродным дядькой Стасу. До войны Поповичи не раз бывали в деревне Кобыльники, где жили Горбов-

³ Имеется в виду житель населённого пункта близь озера Нарочь (Мядельский район Минской области Белоруссии).

ские, и, вполне возможно, вихрастые мальчишки вместе гоняли по двору пана Богуслава. Пётр так же служит в роте ПТР, прибыл с командой три дня назад, назначен в третий взвод. Радости парней не было границ. Они знали – встречаться будут редко, расчёты ПТР, как правило, придаются на усиление подразделений разных участков боевых действий, но само понимание того, что рядом есть родной человек, бодрило.

Тот день, первого октября 1944 года, был их день. Парни наговорились вдоволь. Пётр получил уже три письма. Читали их вместе и вновь перечитывали. Вспоминали родные места, родителей. Делились и сокровенным. Петро невесту оставил, обещала ждать, просила живым вернуться. И у Стаса была дзеўчына⁴, звали Алеся. Встречались в годы войны редко, родители отправили девушку в Вильно, в большом городе легче и безопаснее жить. Переписывались. Мечтали встретиться после войны. Но не состоялось то свидание. В конце июля Стаса призвали в армию, а Алеся была в Вильно.

Расстались земляки к полуночи.

В избе, где жили бойцы взвода, было тесно, спального места не нашлось, и он завалился прямо под стол, подложив под себя груды плащ-палаток. Сон не шёл, сказались переживания, вызванные разговором с Горбовским. Стас поднялся, присел к столу, достал из вещевого мешка карандаш, листок бумаги и сел к лампе писать письмо.

«Дня 1.10.44 года.

Здравствуйте мама и сестра. Уведомляю вас, что я жив и здоров, чего и вам от Бога желаю. Сейчас я очень ожидаю ответа. До нас даже из Сибири письма доходят за десять суток. Так же я думаю, что мои первые письма уже дошли до вас, потому что я выслал к вам уже несколько писем.

Вы наверно получили эти все письма, что я писал из Смоленска. Но я от вас не получил ни одного, так что мне очень скучно, бо не знаю о вашем здоровье и жизни. Я в дороге опустил до вас красноармейскую справку, не знаю, получили ли вы...

...а сегодня встретил родного человека, это Пётр Горбовский, сын Богуслава Васильевича, служим вместе...»⁵

На этих строках он остановился. Хотел закончить письмо, да не смог, усталость свалила. Спал за столом, положив голову на руки.

Утро наступило. И это было не просто утро.

– Подъём. Тревога!

Ничего не понимая и не осознавая, вскочил, надел сапоги, шинель, на плечо вскинул карабин – и бегом во двор.

Четыре часа утра.

Рядом Кузьмин.

– Стас, проснись. Говорил, ложись отдыхать, не слушал, теперь спишь стоя. Проснись!

– Петрович, а что случилось, немцы?

Кузьмин рассмеялся.

– Хуже, учения. Команду дали на учения. Если бы немцы – сверху снаряды сыпались бы, а так – просто учения. Ну что, проснулся?

Стас действительно проснулся. Вспомнил, что не закончил письмо, достал его, наскоро здесь же в строю дописал и передал по цепочке письмоносницу. Всё! Весточка на родную землю полетела. Спустя десять минут они с Кузьминым мчались к установленному боевым расписанием месту.

⁴ Девушка (белорус.)

⁵ Здесь сохранена орфография и пунктуация подлинного письма красноармейца с фронта.

В тот день им хорошо досталось. Набегались вдоволь, но устать не успели, некогда было. Остановились к шестнадцати часам.

Объявлен перерыв.

Конечно, всю картинку учебного сражения с их колокольни не рассмотреть, и не их это вопрос, учением управляли командиры. Ну а их роль состояла в том, чтобы выполнить задачи, которые определены боевым расписанием. И они их выполнили. Если так же работали и другие бойцы, значит всё в порядке, командир будет доволен. Обедали на боевых постах. Раздатчики пищи с бачками пронесли по окопам. Всё, можно передохнуть. Кузьмин потянулся к папиросам. Чиркнул зажигалкой, пахнуло едким, но приятным дымком. Стас не курил, однако дым ему был приятен. Он прикрыл глаза.

По траншее пронеслось: «Командир дивизиона идёт».

Действительно, чуть пригнувшись, по траншее шёл командир, сзади начальник штаба и незнакомые Стасу офицеры.

Командир остановился около их расчёта.

– Кузьмин, и как наш «толмач» трудится?

Петровичу было приятно, что командир его помнит. Но слова «толмач» боец не знал. Он вопросительно посмотрел на Ходоренко.

Помог капитан Ерёмин.

– Командир спрашивает о Поповиче.

Ходоренко недовольно посмотрел на начштаба.

– Прошу без переводчиков.

Кузьмин и сам уже понял, о чём спрашивает майор.

– Попович уверенно входит в строй, матчасть знает отлично, инициативный боец, служит добросовестно.

– Ну и прекрасно. Попович, домой письмо написал?

Стас вытянулся во весь рост. Ерёмин стукнул по плечу.

– Пригнись, демаскируешь позицию, снайпер снимет, не в тылу.

Станислав пригнулся.

– Написал, товарищ майор, сегодня и отдал.

– Добро!

Командир обратился уже ко всем присутствующим.

– Хорошо поработали нынче, а значит, жизни свои берегли, врага, пока что учебного, но врага, разбили. Чувствую, да это и не только чувств касается, разведка докладывает: жди удар от немцев в любой момент. Жди! Готовьтесь товарищи. К смертельному бою готовьтесь.

4.10.1944 года в 7.00 противник после часовой артподготовки крупными силами перешёл в наступление с целью вернуть плацдарм на правом берегу реки Нарев, нанося главный удар на соседа справа (354СП). К 9.00 противник значительно продвинулся и вышел к высоте 108.0 на правый фланг дивизии. Дивизион не менял боевого порядка. В течение двух дней 4 и 5 шли тяжёлые бои.

Из Журнала боевых действий 152 оиптд.

То, что произошло ранним утром четвёртого октября, было адом. Да, это был крошечный ад. Небо разверзлось, задрожала земля, откуда-то сверху посыпались осколки мин и снарядов, ветки, камни вперемешку с землёй. Вдруг стало светло, будто солнечное лето, но уж никак не промозглый октябрь. Сон рукой сняло, однако тело продолжало оставаться расслабленным, словно в истоме. И вдруг слабость, предательский липкий пот по всему телу. Стас покрутил головой. И лишь сейчас стало доходить – начался артиллерийский обстрел, и этот ад свидетельствует только об одном: сейчас начнётся наступление немцев. Да, сейчас! Гла-

зами искал Кузьмина. Петрович, вжавшись в землю, сидел рядом. Каска почти полностью закрывала его лицо. Руки цепко держали ружьё. Вдруг Стас ощутил удар, сильнейший удар по голове. Каска мгновенно слетела под ноги. Голова закружилась, Кузьмин исчез с поля зрения. Он рукой пощупал затылок, крови нет. Каска валялась под ногами. Рукой дотянулся до неё, поднял. Каска сверху рассечена, словно масло ножом. Он вновь схватился за голову. Но нет, крови не было. Липкий пот залил лицо. Это был осколок, он его увидел на противоположной стенке траншеи. Впрочем, осколков было немало, некоторые дымились. Но это не важно. Главное – пока весь этот металл не по его душу. Подумалось, вершок бы ниже – и всё, нет Поповича. Вновь повернул лицо к Кузьмину. Тот что-то пытался ему говорить. Однако в этом сумасшествии разве что услышишь. Стас помотал головой – не понимаю. Петрович жестом показал на голову. Это он, видимо, о каске говорил. Стас кивнул на разрез каски, дескать, разбита. Кузьмин в улыбке скривил губы. Правой рукой дотянулся до Поповича, припал к уху.

– Всё одно – каску надень! И не тушуйся, сейчас обстрел кончится. Вот тогда начнётся ад! Вот так? А он-то думал – уже в аду.

И действительно – артиллерийский обстрел, так внезапно начавшийся, в секунду завершился, и вновь стало темно. Расслабиться не дал Петрович.

– Стас, карабин за плечо, коробки в руки, бегом за мной. Бегом, я сказал. Сейчас немчура ползет.

Дальше Попович работал как автомат. Бегом за Кузьминым, натываясь на него, врезаясь в повороты траншей и бойцов, которые так же, как и он, приходили в себя после обстрела. Живые голоса, выкрики, команды и даже смех солдат привели его, наконец, в чувство. Он понял – оживает, приходит в себя, даже почувствовал стыд за мгновения испуга и слабости там, в окопе, где их застал артобстрел.

Кузьмин остановился и замер. Стас с разбегу наткнулся на него. Петрович протянул руку в сторону огневой позиции, их позиции, они должны были занять её по боевому расписанию.

– Смотри!

Перед ними зияла огромная воронка. Брёвна, доски, которые ещё три дня назад они аккуратно укладывали, укрепляли, разбросаны в радиусе нескольких метров. Кузьмин вытер потное лицо.

– Это чем же они сюда шарахнули?

И вновь Попович ощутил предательский липкий пот, теперь уже меж лопаток. Да, и это было по их душу.

Петрович присел и Стаса потянул за руку.

– Садись. Передохнём. Господь нас бережёт, ты видишь?

Казалось, есть минутка, можно расслабиться. Но не получилось. С линии фронта вдруг отчётливо послышался надрывный гул моторов.

– Петрович, слышишь, Петрович! Танки.

– Да слышу я.

И они вновь побежали, теперь уже уверенно. Запасная позиция была рядом.

Тем временем светало и очертания того, вражеского края, стали более отчётливыми. Расчёт ПТР развернулся и был готов к бою. Кузьмин толкнул Поповича в бок.

– Ты карабин подготовь, на бруствер положи и займись патронами. Чтобы ни пылинки на них не было.

– Есть, Петрович! Я вас понял!

Справа, слева, повсюду послышались пулемётные, автоматные очереди, крики людей, рёв моторов. Слева бахнула сорокапятка второй батареи, ещё выстрел, ещё. И вдруг Стас услышал противный свист слева. И даже будто дуновением ветерка обожгло щёку. Пуля! Это пуля! Но испуга уже не было, был боевой азарт. С напряжением он всматривался вдаль. Рядом, высмат-

ривая цель и не обращая внимания на летящую навстречу смерть, опёршись на бруствер окопа, замер Кузьмин.

В этот день на их участке обороны немцы семь раз поднимались в атаку. Дважды их позиции накрывались огнём артиллерии. Но Господь действительно их берёт. Кузьмину, разорвав шинель, осколок слегка поцарапал левое предплечье. А Стасу вновь досталось, теперь уже пулей по каске. На сей раз это была контузия. Санитар перевязал Петровичу плечо, осмотрел голову Стаса.

– Отделались вы, братки, лёгким испугом. Везёт вам. А вот мы устали бойцов в тыл перевозить, побито много нашего брата. Держитесь.

Кашевары поздно ночью подвезли пищу. Удивительно, но каша была тёплой и в котелках они обнаружили довольно большие куски тушёного мяса. Чай был горяч и крепок.

Петрович отреагировал на эту маленькую окопную радость.

– Живём, брат...

Он выскреб крохи из котелка и с ложкой в руке тут же заснул. Стас теснее приткнулся к боевому товарищу.

Бойцы спали крепко. Снов не видели, это был сон уставших мужчин. И не ведали они, что через пару часов их вновь накроют артиллерийский налёт, кромешный ад и пламя... и Господь теперь уже не сможет помочь. Они погибнут мгновенно, не успев почувствовать боли и пролить слёз. А ещё через час гусеницы вражеских танков разорвут их тела, раздавят оружие, траншеи, окопы, вспашут осеннюю землю. Потом позиции вновь отобьют советские войска. В минуты передышки бойцы подправят окопы, траншеи, бережно положат в низине то, что осталось от бойцов, боровшихся за этот плацдарм ещё несколько часов назад. Но целых тел не будет, будут раздавленные, разорванные останки тел. Среди них и то, что осталось от Кузьмина и красноармейца Поповича...

В течение 6-10.10.44 года, противник не прекращал своих атак, поддерживая их мощным арт. мин. огнём и стремясь любой ценой сбросить наши части с правого берега р. Нарев. Противник предпринимал по 6-8 атак в день, но все попытки успехов не имели. Части дивизии стойко защищали каждый метр завоёванного ими плацдарма, каждая отбитая атака придавала уверенность и мужество нашим бойцам и офицерам, героически дравшимся за плацдарм.

Неся большие потери, враг был обескровлен, его наступательный дух подавлен, резервы истощены, и он уже не мог рассчитывать на успех.

В ходе ожесточённых оборонительных боёв... дивизия потеряла убитыми 280 человек, ранеными – 840 человек и пропавшими без вести – 448 человек.

Частями дивизии за этот период противнику нанесены потери: солдат и офицеров до 3000 человек.

Из Журнала боевых действий 108 СД.

Дивизион, не меняя боевого порядка, в течение двух дней 4 и 5 октября вёл тяжёлые бои. В результате напряжённых боёв огнём дивизиона нанесён ущерб противнику. Сожжено 8 средних танков, подбито 2 средних танка, разбито 8 автомашин, убито не менее 260 солдат и офицеров.

Наши потери: разбито 9 пушек, 7 ПТР. Потери личного состава: убито рядового и сержантского состава – 12 человек, ранено – 16 человек, пропало без вести – 6.

Из Журнала боевых действий 152 оиптд.

10 октября 1944 года распогодилось. Утром выглянуло солнце, ветер стих. Тишина. Комбат шёл к командному пункту. В боях и ему досталось. Немецкая пуля не пощадила. Левая рука на перевязи, ноет и при ходьбе неприятно отдаёт в плечо. Ничего. Пройдёт. Сейчас не это главное. Главное – на плацдарме удержались. И не просто удержались – отбросили немца, морду разбили, нервы хорошо потрепали. Раны теперь зализывает.

У блиндажа командного пункта дивизиона стояли офицеры. Это были начальник штаба Ерёмин и замполит Кравченко.

Ходоренко поздоровался с подчинёнными и первым вошёл в блиндаж.

– Садитесь товарищи. Ерёмин, докладная записка в дивизию готова? Хорошо. А проект приказа? Давайте сюда.

Командир дивизиона взял документы, углубился в чтение.

– Так что – на сегодня убитыми значатся 20 человек?

Начальник штаба попытался привстать. Комбат махнул рукой, дескать, сиди.

– Да, вчера ещё двое бойцов из второй батареи погибли. Все погибшие похоронены. Захоронение рядом с медсанбатом дивизии. Хорошая там площадка, земля песчаная, сухо. Старшина отделения питания и бойцы первого взвода ПТР работали. Извещения на всех написаны, там и адрес захоронения указан. Вот они, подпишите. Да. Пополнение обещали через три дня прислать, а завтра уже лошадей пригонят и орудия, правда, пять всего, но обещали не задерживать поставку. Такие вот дела, командир. Как рука?

Майор встал, поморщившись, поправил бинт, удерживающий руку на весу, прошёл вдоль стола. Подошёл к замполиту.

– Видишь, Николай Сергеевич. Вроде всё по уму. Люди погибли – похоронили, лошадей потеряли, завтра другие будут, пушки подвезут. Всё по уму. Но мы будто о шахматах говорим: пешки туда-сюда, ладья упала и прочее.

Видно было – Ходоренко нервничает, наверно и рана зудит. Командир продолжил.

– Людей теряем. Две недели как пополнение получили, три десятка бойцов. Помню, улыбались парни, с настроением к нам прибыли. Помнишь, Ерёмин, Копнин рассказывал как «толмач» тот, что с поповской фамилией, говорил: «Спокойно тут у вас». Я его улыбку хорошо помню, добрая улыбка. Вот тебе и «спокойно». И было это ровным счётом две недели назад. Из тех тридцати бойцов – восемь в строю осталось. Что это – «пушечное мясо»? Это же люди, наши люди. Это мы их не уберегли, мы! Командиры!

Майор вновь замолчал. На его потемневшем лице забегали желваки.

– Я с командиром роты ПТР, Копниным, разговаривал, где, спрашиваю, расчёт Кузьмина? Петровича, где расчёт? Нет расчёта, докладывает, и на небо смотрит, мол, на небесах они. А что я родным напишу? Что? Не могу же я, советский командир, на небеса ссылаться. Шесть человек пропали без вести! Я понимаю, трижды немцы бороздили танками те окопы, где и Кузьмин был, и Попович, да и другие. Умом понимаю, но сердце болит. Нет их ни среди живых, ни среди погибших. Их просто уже нет. Может ли быть такое? Не должно такого быть.

Командир замолчал. Офицеры встали. Потупив взгляды, молчали. Это была минута. Да. Всего минута. Но она была длинной и тягостной, то безмолвие было в память о погибших и без вести пропавших. А больше минуты жизнь для поминания не отпустила. Мгновения – и вновь всё вокруг кипело, надо было думать о живых. Готовить силы, готовить средства для дальнейших боёв. Впереди была Варшава. Дальше Германия, Берлин.

Впереди были трудные дороги к Победе.

Уходят фронтовики

Рассказ представлялся на рассмотрение конкурсной комиссии Оргкомитета литературной премии «Писатель года» РСП в 2017 году. Автор объявлен лауреатом литературной премии «Писатель года» за 2017 г., 3-я премия в основной номинации.

Олег понимал – отец умирает, он чувствовал это. Люди смертны, все уйдут в мир иной, и это произойдёт с каждым. Но как принять эту неизбежность, как с ней мириться? Да, девяносто два года, это очень солидный возраст. Война, два ранения, контузия, сложнейшие послевоенные годы, армейская служба, смерть жены... всё это зарубки на сердце. Каждый прожитый день давался отцу тяжело. Он почти не вставал, был худ, ел мало и неохотно, лекарства выбросил. Через силу шутил: «К чему они, только желудок травят». Но держался, держался, как мог. Он пытался не отвлекать родных от повседневных забот, а если уж и позовёт к себе – ясно, без их помощи никуда.

В то утро Олег, как обычно, заглянул к отцу.

– Доброе утро. Как ты, как себя чувствуешь?

Вопрос глупый, наверное, а что другое он мог говорить. Надо ведь что-то говорить. И ответ сыну был известен.

– Нормально, сынок, по годам и самочувствие. А у вас что новенького?

Олег знал, утренний разговор с отцом – это лекарство, которое тот принимает с особым желанием. Сегодня было что рассказать. Правнучка зубики первые показала. Внука Володьку в городскую хоккейную команду взяли. Вратарь, мал ещё росточком, но уже сейчас Третьяком кличут.

– Спасибо, сынок, рад за вас.

Отец прикрыл глаза, чуть повернул голову к сыну.

– Олежек, ты не спешишь? Может, поговорим, а то ведь жизнь идёт, а толком поговорить нам так и не удаётся.

Конечно, Олегу надо было спешить. И он, и супруга работали, так что их ждали повседневные трудовые будни. В часы, когда их не было дома, за отцом присматривала сиделка, месяц как наняли, женщина аккуратная, чистоplotная, отец был доволен.

– Давай-ка, сынок, отправь Наталью Сергеевну домой, а мы с тобой поговорим, пообщаемся, как в прежние времена.

Отказать отцу было нельзя. Олег позвонил шефу, тот «добро» дал, благо был знаком с ситуацией в доме. Жена Олега показала, где и что лежит из лекарств, продуктов, и, забрав сиделку, вышла из дому.

Олег присел на стул рядом с отцом. На прикроватной тумбочке лежала пара открытых альбомов, пачки старых писем, чуть ниже из выдвижного ящика выглядывал офицерский кортик, подушечка, к которой были аккуратно прищиплены отцовы награды. Не любил он держать их на пиджаке, эту небольшую подушечку сам сделал и частенько, особенно в последние годы доставал.

– Что, папа, альбомы разглядываешь?

– Да, сынок, к прошлому возвращаюсь. Не уйдёшь от него, тем более сейчас. Друзей вспоминаю, с мамой поговорил, вот её фото, помнишь, лучшее, наверное, из всех фотографий.

Отец взял в руки небольшую рамочку с портретом жены. Долго с полуулыбкой смотрел на неё. С фотографии мило улыбалась красивая, русоголовая, молоденькая девушка.

– После войны сделано. В сорок шестом, наверное.

Они помолчали. Это было умиротворённое молчание. Отец долго смотрел на фотографию. Затем, чуть прикрыв глаза, заговорил:

«Послушай, Олег, ты частенько просил рассказать меня о войне. И рассказывал я, многое тебе рассказывал. И как война для меня началась, и как призывался, и о ранениях своих. Но не сказал о главном. Почему я, пройдя все четыре страшных военных года, постоянно находясь на передовой, жив остался. А главным было то, что люди всегда рядом были.

Помнишь мои английские фронтовые ботинки, те, что и сейчас в кладовой лежат? Я говорил, всю войну эта английская обувка грела солдатские ноги. А вот как они мне достались – я не рассказывал. Так вот, дело было в ноябре сорок первого. В окопах мы под Можайском мёрзли. Ботинки эти старшина Иван Кузьмич приволок. Не принёс, а именно приволок, обстрел в те дни был мощнейший, а у меня день рождения, девятнадцать стукнуло. Откуда он проведал, что родился я в этот день, – уж и не знаю, а вот подарок сделал, от всей роты подарок был. А когда он ботинки эти ползком тащил к окопчику – пуля шальная каблук ему на сапоге оторвала. Смеялись мы, мол, ботинки мог бы и вместо своих подпорченных сапог забрать, так нет, он мне подарок принёс. И вот подумаешь: вроде пустяк подарок этот. Сколько таких сапог да ботинок солдату выдавали. А нет, не просто это. Ведь жизнью человек рисковал, мог не без сапога, без головы остаться.

Да. Война – это кровь, окопы, слякоть, грязь, пот. Снова окопы, снова грязь, снова пот. Но война – это и люди. – Простые люди, солдаты, такие люди, как наш Кузьмич, под Москвой он в том же сорок первом полёг. Как ротный наш, в том же году похоронили. Много таких людей рядом было, большая часть их осталась на военных дорогах. А я вот жив. Девять десятилетий прожил. И их, моих окопных братьев, за то каждый день вспоминаю и благодарю.

Не так давно, лет, наверное, пять назад, Володька Павлов умер. Ты знаешь его, друг мой. Так ведь он ещё и брат мне. Нет, не по крови брат, просто жизнью я ему обязан. Под Сталинградом мы с ним в страшное месиво попали. Он артиллерист, командир взвода, а мы – взвода его прикрытие, шесть человек. После почти часового обстрела наших позиций в живых только мы с ним и остались, накрыло в траншее. Я в ногу ранение получил, контузию, и он контужен. Несколько часов землю Володька руками грёб, сначала сам выбрался, затем живых искал. Все погибли, девять человек накрыло. Меня отрыл и на плечах почти бездыханного в лазарет принёс. Я уж только в госпитале в себя и пришёл. Сколько же таких Володек и Кузьмичей рядом было. Не счесть. Люди сами гибли, а товарищей выручали...

Мало нас, бойцов Великой Отечественной, осталось. Жаль, конечно, но что поделаешь, жизнь не остановить, течёт она, не спрашивая человека. Сколько богом отведено – столько и живём. Благо мне вон девять десятков отпущено.

Когда я говорю „жаль“, ты не подумай, я ведь не о себе говорю, я о вас думаю. Смотри, как в мире всё идёт. Вот уж нас и оккупантами величают, и карту мира пытаются перекроить, и памятники героям той войны уничтожают. Фашисты на Западе факелы жгут. Кто за всё это ответит? Кто мир защитит? Наше поколение уходит, вы, рождённые в прошлом веке, ещё что-то знаете и помните, а внуки, правнуки наши... Кто им расскажет о горе нашем, о подвигах, о нашей Победе, великой Победе народа. Ты думаешь, это только мои мысли, да нет, все, кто ещё жив из нашего брата, также думают и переживают.

Да, мало нас осталось...»

Олег чувствовал, разговор тяжело даётся отцу, он понимал: его страдания, переживания – это не физическая боль, нет, просто отец прощается с ним и старается в разговор вложить главное, что его сердце и душа выносили за долгую и достойную жизнь.

Долго они ещё разговаривали. Олег внимательно слушал отца, стараясь запомнить его слова, и его самого запомнить таким вот ясно мыслящим и сосредоточенным.

«И последнее, сынок. Уйду я скоро. Понимаю, а потому прошу простить, если в чём обидел тебя, кого из родных твоих. Прости... Богатства, ты знаешь, не было у меня, это я о деньгах говорю. Наше с мамой главное богатство – это вы. Считаю, хорошим ты человеком вырос, семья твоя нас радовала, внучата, правнуки молодцами растут. Спасибо тебе, сынок.

Прошу, ты положи... когда я уйду... в нагрудный карман мамино фото, билет партийный и вон ту медаль, медаль «За отвагу». Особо памятна она, земля и моя кровь за Сталинград на ней. Остальные награды сохрани и по наследству передай. Не сжигайте меня... Скромно похороните. Просто предайте земле...

Пожалуй, и всё, спасибо, что выслушал.

А теперь оставь, устал я, отдохну».

Он прикрыл глаза, чуть повернул голову к стене и затих. Дышал тихо и ровно.

Олег встал, поправил одеяло на кровати отца, чуть прикрыл оконную штору и вышел, осторожно и тихо прикрыв дверь. Стоял он у двери, тихонько стоял, думать уже ни о чём не мог, он просто стоял и плакал.

Отец умер утром следующего дня. Отошёл тихо и спокойно. Причитаний и рыданий дома не было. И Олег, и его жена, сын были готовы к этому.

Хоронили солдата с почестями. Оркестр. Почётный караул. На подушечках, что бойцы несли перед траурной процессией, лежали его награды – орден Отечественной войны, два ордена Красной звезды, медали «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией». Не было только медали «За отвагу», с собой её солдат взял.

Пришли проститься ветераны, седые старики с орденами и медалями, многих дети и внуки под руки поддерживали. На лицах скорбь и печаль. Мало их, фронтовиков, в живых осталось. Военкомат делегацию и венок прислал. Соседняя школа, где солдат не единожды выступал на праздники, делегировала старшеклассников. Ребята портреты своих дедов и прадедов принесли. Как в День Победы всё выглядело, вроде Великий Бессмертный полк встречает своего товарища. Пришли соседи, знакомые и незнакомые люди, много было людей. Много было венков, цветов. Слова говорили хорошие, добрые слова говорили. Говорили о Памяти подвигу солдат, о Великой Победе.

Уходят фронтовики, солдаты Великой Отечественной. Тяжело сознавать, что с годами их становится меньше и меньше. Время неумолимо мчится вперёд. Но оно не властно над Подвигом солдата. Сколько бы лет не прошло – эта война не уйдёт из нашей памяти. И в сердцах новых поколений будет вечно жить благодарность живым и мёртвым, тем, кто спас мир от фашистской чумы, отстаивал право людей быть свободными.

Родные люди

Рассказ представлялся на рассмотрение конкурсной комиссии Оргкомитета литературной премии «Писатель года» РСП в 2018 году. Автор объявлен финалистом литературной премии «Писатель года» за 2017 г. в основной номинации.

– Анатолий Курбанович, рабочих привезли. Поговорите?

Артамонов оторвал взгляд от документов, разложенных на столе, потянулся до хруста косточек, встал и вышел на улицу. У вагончика толпились человек десять мужчин разного возраста. Это были гастарбайтеры из Таджикистана. Собственно, генеральный директор и ориентировал, жди, мол, таджиков сегодня подвезут.

Рядом с Артамоновым суетился и балагурил вездесущий прораб Мишка.

– Кто кладку кирпичную класть умеет – подойти ко мне.

– Постой, Михаил, сначала надо документы глянуть, а потом уж специальности вычислять. Не спеши.

– Так я, Анатолий Курбанович, и без паспорта пойму, кто спец по кладкам.

Собранные паспорта Артамонов передал сметчице. Галина Тимофеевна была единственной женщиной в его команде. Анатолий Курбанович доверял Гале абсолютно. Она у него была «и кадровик и замполит». Женщина толковая, в людях хорошо разбирается.

– Галя, поговори с ребятами, что да как, да ты сама знаешь, документы глянь. Трудовые посмотри, если, конечно, есть, переводчика Мишка даст. А я к Сенцову на объект. Там сегодня плиты перекрытия укладывают.

За суетой пролетел рабочий день. К вагончику Артамонов добрался уже в седьмом часу. Галина ждала. По её глазам и таинственному виду Артамонов понял: будут сюрпризы.

– Ну что там, совсем плохо?

– Нет, Анатолий Курбанович. Трудяги как раз что надо. Беспольных нет вообще.

– А что за сюрприз меня ждёт? По глазам вижу – сказать что-то хочешь.

– Не знаю, может, и сюрприз, это как посмотреть...

– Не томи душу. Выкладывай.

– Анатолий Курбанович, а у вашего сына брат есть?

– Что за вопрос, ты же знаешь, у меня только Серёжа и Маринка. Станный какой-то вопрос.

– Действительно странный. Но, вы знаете, среди новых парней, что из Таджикистана приехали, один как две капли воды похож на вашего Серёжу. Я даже разволновалась, когда его увидела.

– Интересно. И кто он, откуда?

– Из Вахша, фамилия Рахмонов, имя Курбан.

– Интересно. А где они сейчас?

– Их в городок повели, надо покормить и переехать, а на работу завтра.

Артамонов устало посмотрел на Галину.

– И это всё?

– А что, это вам не интересно? Он же копия ваш сын. Увидите – убедитесь.

– Ладно, Галя, по домам. Завтра разберёмся.

Домой ехать было не близко. Постоянные поездки туда-сюда, через пробки, многочисленные светофоры, ограничения раздражали Артамонова. Но что поделаешь, такова жизнь. Стройки в Подмоскowie разбросаны, здесь тебе и север, и юг, и запад, и восток. Благо хоть в этом году подряд получили на юге, всё к дому ближе, однако три десятка километров проехать ежедневно приходится. Да обратно тридцать. Одно в пути хорошо – поразмышлять можно,

здесь уж без суеты обходится. Так она говорила... Рахмонов? Мать рассказывала о встрече с солдатом во время войны. Тот солдат по национальности был таджиком. Сильная любовь у них с мамой была. От той любви и он, Анатолий, родился. Но, по рассказу матери, отец погиб. Ни фотографии не осталось, ничего, только имя осталось и обличье. Анатолий, как матушка говорила, сильно на отца походил. Тоже чернявый, смуглый, волосы кучерявые.

Мысли эти его взволновали.

А вдруг...

А вдруг это родственник. А если отец жив и к ним работать приехал его сын? Хотя какой там сын, внук, это да. Если бы отец был сейчас жив, ему за семьдесят было бы. И фамилия как у отца – Рахмонов.

Да нет, не может быть, отец погиб...

Домой приехал к девяти вечера. Мама отдыхала. Сын сидел у компьютера. Встретили невестка Ольга и внучка. Малышка сразу на дедулю забралась.

– Деда, а деда, правда, что в реке-Москве акулы плавают? Деда, а ты мне сказку на ночь считаешь? Деда...

Она всегда его так встречала – тысяча вопросов, а ответы ей и не нужны, ей важно было видеть к себе внимание. Будущая женщина растёт, внимание ей обязательно нужно, не ответит дед на вопросы, да и ладно, лишь бы обнял и расцеловал.

Артамонов переоделся, выпил чашку чая и зашёл к матери.

Мама сдала в последнее время. Война, ранение, голодные послевоенные годы, а ещё два инфаркта, диабет, всё это медленно, но уверенно подтачивало здоровье. Ходила плохо. Всё больше у окна сидела, тихонько сидела. Иногда плакала, слёз не было видно, но по припухшим глазам понятно – плакала.

– Мама, как ты себя чувствуешь?

Мать повернула к нему лицо. Так и есть, вновь плакала, вон глаза покраснели. Он видел это, но не хотел вести печальных разговоров, а тем более успокаивать, её это не радовало.

– Ты знаешь, мама, к нам сегодня ребята из Таджикистана приехали. Галина с ними общалась. Говорит, один парнишка – копия наш Серёжка, да и фамилия Рахмонов, имя Курбан. Ты представляешь? Удивительно. Наверно, просто похож, отец ведь погиб. Так? И, потом, Рахмоновых у них – как у нас Ивановых, не счесть.

Мать резко потянулась к нему. Лицо побледнело.

– Как ты говоришь?!

– Мама, что с тобой...

Артамонов не ожидал такой реакции матери. Однофамилец. Ну похож – и что? Это просто несерьёзно. Все они, таджикские парни, на одно лицо, все чернявые, смуглые да кучерявые.

– Толя, я не уверена, что отец твой погиб. Тогда, в сорок первом, я от него лишь два письма получила. А в сорок втором, когда ты родился, мы уже у моей матери жили. По старому адресу бегала несколько раз, но куда там, жильцов на каждый метр по два человека, знакомых никого, ящик почтовый разбит. А потом на фронт ушла. Может он и писал, может, и приезжал, но я на фронте была, и ему мои письма, видимо, не доходили. Несколько раз обращалась в главный военкомат в Таджикистане, с просьбой помочь найти Курбана, это уж после войны, но ответа не получила. Война закончилась. В сорок пятом познакомилась с Артамоновым, будущим твоим отчимом. Замуж вышла, хороший человек был: добрый, работающий, тебя, хоть и не родной ты ему, очень любил, но здоровьем слаб. В сорок седьмом умер. Послушай, сынок, ты обязательно поговори с этим молодым человеком, а вдруг от Курбана весточка, может, что и услышу о нём, мне умирать легче будет. Сильно я его любила. Всего-то неделю рядом были, но это не неделя была, на самом деле это была вся моя жизнь. Я потом поняла.

Мать замолчала, медленно повернула лицо к стене и прикрыла глаза.

Анатолий ночь спал плохо. Утром, ни свет ни заря, он был на объекте.

* * *

Удивительно, но перед ним действительно стоял человек, очень похожий на сына. Галина с лицом и улыбкой победителя стояла чуть в глубине их конторки. Она чувствовала: сенсации сегодня точно не избежать.

Рахмонов рассказывал о себе. Рассказывал спокойно, уверенно, хоть и с небольшим акцентом, но его русский был вполне хорош. И чем больше говорил, тем больше Анатолий Курбанович убеждался – перед ним действительно родственник.

– Послушай, а откуда ты так хорошо русский знаешь?

– От деда всё, он по-русски очень хорошо разговаривает, меня просил этот язык учить, и отец по-русски хорошо говорит.

– Расскажи про деда.

Парень о своём дедушке знал немного. Фронтовик, разведчик, был ранен. До Берлина дошёл. Уволившись по инвалидности, работал в колхозе, дом содержал. А что этот парень больше мог знать? Их, детей и внуков, у деда было полтора десятка душ. Дети росли, старшее поколение трудилось в поте лица, не до бесед было. Семья Рахмоновых от земли кормилась. С десятков баранов держали. Позднее сыновья деду помогали, а с 1991 года все мужчины на заработки разъехались, вот и он в Москву приехал. Здесь на стройке и его старший двоюродный брат работает.

– Дед рассказывал, что у него в Москве была хорошая знакомая, но он все контакты потерял.

Артамонов понял, надо поговорить с тем человеком, который предположительно его отец. И сделать это нужно немедленно. Телефона у парня, конечно, нет, а вдруг дома есть связь.

– Послушай, а с дедом твоим по телефону можно поговорить?

– Да, конечно, дома есть телефон, мои родители с дедушкой вместе живут.

– И что, ты сможешь сейчас с ним связаться?

– Если они дома – можно.

Анатолий Курбанович достал довольно редкую в те времена штуку под названием мобильный телефон и передал Рахмонову.

– Набери номер. Пусть дед подойдёт. Сможешь?

Парень растерялся, было видно, что он не знаком с мобильником. Но тут кстати оказалась Галина.

– Давай я наберу.

Через несколько минут в телефонной трубке послышалось приветствие на таджикском языке. Внук что-то быстро, скороговоркой ответил и передал трубку Артамонову.

– Здравствуйте. Меня зовут Анатолий. Внук ваш передо мной стоит. Да нет, всё нормально, долетел удачно, устроен, всё хорошо. Но у меня вопрос личного характера.

Он посмотрел на присутствующих при беседе. Галина уловила этот взгляд и, взяв за рукав мастера участка, который привёл Курбана, вытолкала за дверь. И, как бы ей самой не хотелось побыть при разговоре, обещающем стать той самой сенсацией, Галина тоже вышла из помещения.

Анатолий Курбанович после паузы продолжил.

– Послушайте, Курбан Халимович. Вам ничего не говорит имя Наталья, Наталья Ивановна? В сорок первом она работала в госпитале в Москве. Ваш внук рассказывал, что вы в Москве в госпитале в начале войны лечились.

Пауза.

– Курбан Халимович, вы слышите?

– Да, да, я хорошо слышу.

Голос абонента по ту сторону провода был с лёгкой хрипотцой, чувствовалось, Рахмонов-старший взволнован.

– Наташа? Да, я знал такую женщину... А вы, простите, вы почему задаёте этот вопрос?

Тут уж волна переживаний тёплым плотным покрывалом накрыла Артамонова. Он вспотел, лицо горело, он это чувствовал. Неужели это случилось? Неужели он разговаривает с отцом?

– Почему? Дело в том... Понимаете, мне кажется...

Он силился и не мог подобрать слова, в горле пересохло.

– Наташа жива? Неужели такое возможно... Я в сорок четвёртом после ранения был в Москве, искал её, но мне сказали, что она под бомбёжкой погибла. Неужели жива... Вас как зовут?

– Анатолий...

Он не стал называть отчество. Конечно, в пятьдесят четыре никто просто Анатолием его не называет, но сейчас он не решился представиться – Анатолий Курбанович. Он и сам не понял почему... так уж случилось.

– Анатолий, вы передайте Наташе, я приеду, если, конечно, она разрешит. А теперь дайте, пожалуйста, трубку внуку.

Артамонов передал телефон Рахмонову-младшему. Он мысленно уже такое имя ему дал. Племянником язык как-то не поворачивался назвать. Внук говорил с дедом. Разговаривали на таджикском языке. Артамонов не понимал, с языком не был знаком, но по жестикеуляции «младшего» и его взволнованному голосу он понял, если не завтра, то уж в течение трёх-четырёх дней Курбан Рахмонов обязательно приедет в столицу.

– Бобо-Курбан⁶ сказал, если тётя Наташа разрешит, он приедет в ближайшее время.

* * *

Встречали Рахмонова-старшего всей семьёй. Наталья Ивановна в кремовом платье, накинув лёгкий шерстяной платок на плечи, сидела в гостиной на стуле. Лицо было бледным, ей вновь нездоровилось. С утра скорая приезжала, хотели в больницу забрать, но куда там, сегодня у неё день, о котором она может всю свою жизнь думала. Анатолий Курбанович надел костюм, галстук повязал. Непривычно, конечно, он по стройкам в спецовке в основном бегал. Но тут особый случай – отец приезжает. Он уже не сомневался в том, что приедет именно отец. И Артамонов-младший приедется, и он ожидал деда встретить, да и не только его, он хотел убедиться в сходстве с молодым человеком по имени Курбан, о котором ему рассказывали. Внучка Алёнка, осторожно покачивая своим огромным бантом, чинно ходила рядом с дедом и спрашивала: «Деда, а где гости?»

Звонок прозвенел колоколом. Вздвогнув, Анатолий Курбанович поспешил к двери. На пороге стоял пожилой мужчина: невысокого роста, чуть сторблен, смуглое лицо посечено морщинами, под кепкой густые выющиеся седые волосы. Это был Курбан Рахмонов. Рядом внук – Курбан-младший.

– Где Наташа?

– Проходите...

Не снимая обуви, Рахмонов прошёл в гостиную.

– Наташа!

Наталья Ивановна сидела на стуле. Он упал на колени, обнял её, задрожав разом всем телом, заплакал. Предательский комок подступил к горлу Артамонова. Он пересилил себя, осторожно вытолкнул родню в холл и тихонько прикрыл дверь.

⁶ Дед, дедушка, прадед, предок и т. д. В настоящем случае читать – дедушка (тадж.)

– Пусть побудут одни.

Обстановка понемногу разрядилась. Сергей с удивлением рассматривал свою копию. С такими же удивлёнными глазами рядом крутилась и Алёнка.

– А почему вы так похожи с дядей, а папа?

Сергей всё ещё не мог отойти от увиденного, но объяснение у него было, мужик он умный, даром что преподавателем в институте работал.

– Я знал, гены у отца и у меня доминантные, всё те же тёмные глаза, смуглая кожа, широкий подбородок, тёмные жёсткие вьющиеся волосы. Но чтобы через поколение образовались две равно похожие копии – это удивительно. Я лично подобного никогда не встречал.

– Серёжа, а ты по-простому можешь объясняться, – это Артамонов-старший вступил в разговор.

– Папа, всё просто, ген Курбана Халимовича очень силен, он победитель, а победитель, как правило, проявляется в наследниках. Вот и всё.

Может и просто. Это им, молодым, просто было сейчас рассуждать. Но не просто всё было там, в гостинной.

Немного успокоившись Наталья Ивановна и Курбан Халимович тихонько разговаривали. Трудным был этот разговор. Прошло пятьдесят пять лет после их встречи здесь, в Москве. в госпитале. Она, молоденькая медицинская сестричка, девчонка восемнадцати лет и статный черноволосый красавец, армейский разведчик, залечивающий в госпитале раны. Встретились – и закутила их любовь, та любовь, что не спрашивает ни возраст, ни родословную, ни разрешения у родителей.

То была настоящая любовь!

Годы прошли, более полусотни лет позади. И семь дней. Семь дней, что они тогда встречались. А в этих днях свиданиям отведено было не более пяти-шести часов. Пять-шесть часов встреч, объятий, поцелуев, эти несколько часов любви – всё, что у них в памяти осталось. И ещё сын. Сын остался – как свидетельство их большой любви. А потом долгие, долгие годы разлуки. Больше они не встречались. Как? Что? Почему? Искать виноватого? Глупость. В жизни всё случается, вот и у них получилось так, что не смогли они найти друг друга. Общаясь сейчас, они всё понимали, а потому разговор был добрым, это был разговор родных людей. Он ей о своей большой семье рассказал: о жене, о детях, внуках, о жизни на родине. Она порадовалась за своего Курбана – «воронёнка чернявого», так она его в те семь дней называла. И Наталья Ивановна о себе поведала, нет, не о болячках, о сыне, их сыночке, о том, какой он умница, работающий человек, любящий отец и муж. О внуке и правнучке рассказала.

Долго ещё горел свет в этом доме. Родные люди общались.

А наавтра они разъедутся, разбегутся, работа, дом, заботы, всё, что обычного человека окружает, всё это будет и у них. Но ещё в душе каждого будет радость, радость обретения новых родных людей. И пусть они далеко будут друг от друга, но в душе они всегда будут вместе.

Шёл 1996 год.

Просто солдат

Он прошёл три войны. Подумать только – три долгих страшных войны, почти шесть лет испытаний сушей и морем, окопами, лесами и болотами, разрывами снарядов и мин, контузией и недомоганиями, морозом и зноем. Шесть лет тревог и бессонных ночей, горя потерь боевых товарищей, радости побед.

Неужели на такое способен человек?

Сложно поверить.

Русский солдат Алексей Андрианов прошёл эти фронтовые дороги.

Чинов был он малых, рядовым ушёл в Финскую, в тридцать девятом, а домой, из Порт-Артура, вернулся в сентябре сорок пятого, сержантом, с орденом на груди и боевыми медалями.

Кто он, этот русский солдат?

* * *

На Псковщине, в Гдовском районе, стоит деревушка Верховье Второе, она и сегодня жива, правда, старожилов нынче в ней нет, дачники всё больше. Места здесь чудесные, в трёх десятках километров знаменитое Чудское озеро, до реки Плюссы рукой подать. Именно здесь, в этой деревушке и родился Алексей Андрианов.

Отец его и матушка строги были к отпрыскам, занимались детьми серьёзно, к труду не только призывали, но и приучали. Отец, Сергей Афанасьевич, мастеровым человеком был, на ногах стоял крепко, хозяйствовал уверенно, во всей округе знали сапожника Афанасьича, от заказов отбоя не было, за работу брал недорого, обувка у него всегда выходила справной и добротной. В середине двадцатых проводили в последний путь маму, Марфу Васильевну, и остался Сергей Афанасьевич один с шестью детьми: старшему – 13, младшей – 3 годика. Маму заменила десятилетняя Маша, в семье её с уважением стали звать МСА – Мария Сергеевна, и это звание сохранилось за ней на всю жизнь.

В тридцать пятом неожиданно пришла беда. Арестовали старшего Андрианова и двух его сыновей, достигших к тому времени совершеннолетия. Ладно бы за плохую работу, к примеру, сапоги плохо шили, так нет, по политическим делам взяли. Какой из мужика политик? Просто крепкий трудяга – и всё, но не нравилась кому-то самостоятельность Андриановых, вот к кулакам и причислили. «Замести» в те времена могли по любому делу, вот и Сергей Афанасьевич с сынами попали в так называемый «Кировский поток». После убийства Сергея Мироновича Кирова люди десятками тысяч арестовывались и ссылались.

Семью Андриановых выслали на Урал, в Свердловскую область, городок Невьянск. Тяжело было на новом месте, но ничего, прижились. Отец по-прежнему сапожничал, а дети помощниками были.

Алексею в то время было шестнадцать лет, взрослый уже паренёк, надо определяться с будущим. Рядом, в Свердловске был техникум связи, сюда молодой человек и поступил. В те времена связь – радио и телефония – в моде были, и учёба в таком заведении считалась за честь. Всё бы хорошо, но вот спустя четыре года учёбы, когда готовились документы для учебной практики, аукнулась ему отцова ссылка, местное НКВД напомнило, что он «сын врага народа».

Из техникума пришлось уйти.

Куда идти? Долго не выбирал, само время подсказывало – в военкомат надо, тяжёлые испытания ждут страну, это чувствовалось.

Был октябрь 1939 года.

Алексей Андрианов зачислен красноармейцем в 613 мотострелковый полк 91 мотострелковой дивизии. Дивизия формировалась в Ачинске.

30 ноября 1939 года началась советско-финская война. Дивизия готовится к передислокации. В ноябре-декабре шла подготовка и слаживание подразделений, а в январе 1940 года дивизия переходит в подчинение резервной группы Ставки и направляется в Лугу. С 20 февраля дивизия сражается в районе Финского залива. 29 атакует Макслахти. В марте дивизия переводится во фронтовой резерв. Далее участвует в наступлении на Таммисуо. Таммисуо – это небольшая станция в Выборге. В переводе с финского *tammisuo* означает «дубовое болото», по самому названию понятно, насколько тяжелы эти места. Пронзительный холод, ветер, болотистая местность. Хоть и зима, но то, что здесь болото, бойцы чувствовали на себе. Без лыж никуда. Красноармеец Андрианов участвует в вылазках, засадах, жестоких боях под Выборгом.

Финны пытались любой ценой удержать Выборг. Бои в этих краях были тяжелейшие. На фронте Мусталахти – Таммисуо части дивизии преодолели затопленные районы и вышли на рубеж Талимюллю – Конкала. На этом боевые действия его дивизии в связи с подписанием перемирия и закончились.

Красноармеец Андрианов жив, здоров, нет ни царапинки на его теле, повезло. В боях под Выборгом много он повидал смертей, друзей терял, сослуживцев. Ему всего двадцать два года, но серьёзен парень, не по годам серьёзен. Был он вынослив, смел, дело своё, солдатское, хорошо освоил, потому и жив был.

Далее дивизия, а вместе с ней и маленький винтик этого огромного военного механизма, красноармеец Андрианов, передислоцируется в Песочное. С 22 марта части и подразделения занимаются формированием оборонительных сооружений под Ленинградом, обустройством военно-морской базы на северных рубежах Союза ССР. С 7 апреля письма от Алексея Андрианова идут уже с Ханко.

Полуостров Ханко, находящийся на северном берегу Финского залива, был важнейшим стратегическим рубежом защиты Ленинграда. После Советско-Финской войны, с марта 1940 года, южная часть полуострова с городом Ханко и прилегающими островами передаются СССР в аренду, именно здесь и создаётся военно-морская база.

Территориальное расположение определяло основную задачу базы – не допустить проход к Ленинграду ни одного вражеского корабля и обеспечить свободу действий Балтийского флота. Также предполагалось, что именно здесь будут базироваться торпедные катера, подводные лодки и части ВВС КБФ⁷. Несмотря на территориально выгодное положение и стратегическое значение, здесь была масса проблем. Прежде всего – это недостаточно подготовленная инфраструктура, как инженерная, так и специальная, а это связь, маскировка, организация сохранности огромных материальных ресурсов. Для решения этих, в предвоенных условиях архиважных задач и подбирались специалисты. Алексей Андрианов был отменным связистом, так что его силы и возможности востребованы в полном объёме.

⁷ Военно-воздушные силы Краснознамённого Балтийского флота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.